

На правах рукописи

Ермолаев Александр Владимирович

**Уголовная ответственность за преступления против
семьи:
проблемы законодательной регламентации и
правоприменения и пути их разрешения**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар-2009

Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
Лопашенко Наталья Александровна

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации **Рарог Алексей Иванович**

доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Ставропольский
государственный университет»

Защита диссертации состоится «19» февраля 2009 г. в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета ДМ 220.038.11 при Кубанском государственном аграрном университете по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного аграрного университета и на сайте www.kubagro.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Как показывает история, семья была и остается основной ячейкой общества. Огромное значение ее в развитии последнего вряд ли кем-то ставится под сомнение. Экономическая роль семьи ярко проявляется в области организации потребления и быта, ведь в ней не только удовлетворяются, но отчасти и формируются материальные потребности человека, создаются и поддерживаются определенные бытовые традиции, осуществляется взаимопомощь в ведении домашнего хозяйства.

Однако нельзя сводить всю функциональную способность семьи лишь к экономической роли, так как она находит продолжение и в других сферах общественной жизни. Как первичная форма общности людей, семья непосредственно сочетает в себе индивидуальное и коллективное начала. В этом смысле ее можно признать звеном, связующим не только биологическую и социальную, но также индивидуальную и общественную жизнь людей, для которых она служит первым источником социальных идеалов и критериев поведения. При этом роль семьи – не только в передаче духовных ценностей, но и в их создании, например, супружеской и родительской любви, уважении и любви детей к родителям и так далее.

Семья осуществляет связь между поколениями, поэтому в глобальном плане именно она принимает участие в контроле и регулировании общественных идеалов, ценностей и отношений. Трудно переоценить роль семьи в сохранении, накоплении и передаче новым поколениям трудовых навыков, то есть ее можно причислить к факторам, обеспечивающим преемственность, а следовательно, и прогресс в развитии рабочей силы.

Являясь образованием более нравственным, нежели юридическим, сегодня семья все же не мыслится вне нормативного регулирования. Государство заинтересовано в моральном здоровье семьи и пытается воплотить эту заинтересованность в правовой политике. Установлением правовых норм законодатель придает рассматриваемому институту стабильность. Однако не все нормы направлены на урегулирование семейных отношений, часть из них охраняет и защищает ее от различных посягательств.

Номинально в качестве обособленного объекта уголовно-правовой охраны семья воспринимается отечественным государством не так давно – лишь в 1996 г. в новом УК появилась глава, употребляющая в своем названии, в том числе, и семью. Фактически же семья (а точнее, семейные права ее членов) в той или иной степени охраняется уголовным законом, начиная с X в. В постсоветский период Россия претерпевает множество экономических пертурбаций, которые неизбежно нашли отражение и в важных общественных институтах. Судя по развитию отечественного уголовного законодательства, именно в означенный период законодатель приходит к выводу о том, что недостаточность позитивного правового воздействия необходимо возместить уголовно-правовым. При этом не учитываются многие моменты, например, то, что уголовный запрет – мера субсидиарная, к которой следует прибегать лишь при невозможности урегулировать правоотношения иными способами. Однако утверждение об исчерпанности гражданского, жилищного, трудового, собственно семейного, административного и других отраслей права в деле обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних и других членов семьи явно нельзя признать аксиоматическим.

Нецелесообразность уголовно-правового запрета в иных случаях проявляется не только в виде отсутствия непосредственной пользы от него, но и в виде угрозы объекту охраны вреда. «Волевое воздействие государства на отношения в семье, введение достаточно необоснованных объективными социальными потребностями правовых запретов или разрешений могли бы разрушить или сильно повредить всему институту

семьи»¹. В настоящей работе автор рассматривает основы криминализации посягательств на семью и оценивает целесообразность и обоснованность такой криминализации. Давно уже назрела необходимость поставить вопрос относительно правильности распределения нагрузки по охране семьи между семейной, гражданской, жилищной и другими отраслями права, с одной стороны, и уголовной, с другой.

Общее представление о масштабах и эффективности «работы» норм гл. 20 УК РФ и деятельности органов правоохранительной и судебной систем можно получить, анализируя статистические данные, свидетельствующие о том, что нагрузка на указанные нормы ложится неравномерно: часть преступлений гл. 20 УК РФ обладает большой распространенностью, другая же часть – наоборот, в жизни встречается редко. Так, например, можно отметить высокий и стабильный уровень распространенности преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), – в 2003 г. было зарегистрировано 33601² преступление, в 2004 г. - 39540, в 2005 г. - 40601, в 2006 г. - 40235, в 2007 г. - 35948. Часто встречающейся в практике нормой можно признать и ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) - по данным МВД РФ, в 2001 г. было зарегистрировано 2973 преступления, предусмотренных этой статьей, в 2002 г. – 2751, в 2003 г. – 3405, в 2004 – 3603, в 2005 – 5167³. В качестве примера «не работающих» норм можно привести ст. 153 (подмена ребенка) и 154 УК РФ (незаконное усыновление (удочерение)). В целом по России в 2001 г. число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 154 УК РФ, равнялось 2, в 2002 г. – 3, в 2003 г. – 0, в 2004 г. – 1, в 2005 г. – 7⁴, в 2006 г. – 9, в 2007 г. - 1⁵. На территории РФ в целом в 1997 г. зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 153 УК РФ, насчитывалось всего 4, в 1998 г. – 1, в 2001 г. - 2, в 2002 г. – 0, в 2003 г. – 3, в 2004 г. – 4, в 2005 г. – 2, в 2006 г. – 2, в 2007 г. – 1⁶. Для полноты картины диссертант считает необходимым также привести данные по главе 20 УК РФ в целом: по России в 2005 г. было зарегистрировано 54598 преступлений, предусмотренных названной главой, в 2006 г. – 55106, в 2007 г. – 49776⁷.

Проблемы охраны семьи уголовно-правовыми средствами рассматривались многими исследователями (например, Ю.В. Усковой, Ю.Е. Пудовочкиным, Е.Е. Пухтий, Р.Г. Тляумбетовым, И.Н. Туктаровой, К.Н. Почиваловой, В.Ф. Беловым, Н.И. Ветровым, И.К. Дзуцевым, В.С. Савельевой, Т.М. Чапурко, С.В. Анощенковой, А.Э. Побегайло, В.Б. Боровиковым, Г.А. Решетниковой и другими). Отдельным составам преступлений против семьи посвящены работы М.В. Ивановой, Б.А. Мкртычяна, Т.А. Мосиенко, Т.А. Олейниковой, А.В. Осипьян, А.И. Парышева, С.Ю. Бытко, И.А. Гревновой, Н.В. Гуль, М.В. Геллер, Т. Кошаевой, А.В. Кладкова, В. Широкова, В. Вдовенкова, Т.Суспицыной, О.Ю. Красовской, М. Лифановой, Б.М. Макоева, А.И. Милевского, Г.М. Миньковского и других авторов.

В научных трудах, посвященных уголовно-правовой охране семьи, можно обнаружить общую черту: подавляющее большинство ученых полагает, что решать проблему охраны семейных прав граждан можно и нужно с помощью дополнительной криминализации деяний и ужесточения наказаний за уже криминализованные. По

¹ Право и защита семьи государством / Е.Г. Азарова, Ю.А. Королев, Е.В. Кулагина и др. – М.: Наука, 1987. – С. 15.

² Здесь и далее: Общие сведения о состоянии преступности в РФ за январь-декабрь 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mvd.ru/files/2177.pdf>.

³ Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. Под общей редакцией профессора А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2006. – С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Экстремизм и другие криминальные явления / [редкол.: А.И. Долгова (отв. ред.) и др.] . - М.: Рос. криминолог. ассоц., 2008. – С. 219-220.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

мнению соискателя, такую стандартизацию осмысления роли уголовного закона в охране семейных прав граждан нельзя отнести к позитивным процессам в отечественной науке.

Исследование судебно-прокурорской практики дало неоднозначные результаты. Соискателем отмечен факт единообразного толкования органами правоохранительной и судебной систем большинства ситуаций, встречающихся в жизни и касающихся уголовно-правовой охраны семейных прав граждан. При этом нельзя не заметить и некоторые правоприменительные расхождения.

Степень разработанности темы исследования нельзя определить однозначно. С одной стороны написано немало работ, посвященных уголовно-правовой охране семьи, с другой – невозможно наверняка сказать, что данная тема разработана в достаточной мере или в высокой степени.

Отдельные посягательства на семью были проанализированы в трудах М.В. Ивановой, Б.А. Мкртычяна, А.В. Осипьян, О.Ю. Красовской, Б.М. Макоева и других. Комплекс проблем, связанных с такой охраной, был разработан Ю.Е. Пудовочкиным, А.Н. Красиковым, Н.И. Ветровым, И.Н. Туктаровой и так далее. Но работ, претендующих на исчерпывающую комплексность в исследуемой сфере, было написано не так много. К последним можно, вне сомнения, отнести диссертационные исследования Е.Е. Пухтий и Ю.В. Усковой. Научный труд первого из названных ученых, однако, освещает лингво-грамматическую сторону дела, где доминирует анализ уголовного законодательства с позиций юридической техники. В работе Ю.В. Усковой отражена традиционная точка зрения на ответственность за посягательства на семью, заключающаяся в необходимости усиления уголовной репрессии. Однако давно уже ставшее постулатом правило гласит, что ужесточение наказания и криминализованные без необходимости деяния не снижают уровень преступности. Таким образом, можно констатировать факт назревшей необходимости альтернативного взгляда на преступления против семьи как систему норм. Альтернативность такого взгляда заключается в том, что разрешение проблем в данной области основывается на положении о субсидиарном характере уголовной репрессии.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования можно признать семью как уголовно-правовую категорию. К предмету исследования мы относим юридические нормы, регулирующие семейные отношения, а также устанавливающие ответственность (прежде всего – уголовную) за посягательства на них; судебную практику применения таких норм; историческое уголовное законодательство России; зарубежное уголовное законодательство, научную литературу, посвященную тематике диссертационного исследования; статистические данные.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является комплексное уголовно-правовое изучение семьи как объекта уголовно-правовой охраны, а также выработка предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Заявленная цель конкретизируется в ряде задач:

- оценка общественной опасности посягательств на семью;
- рассмотрение исторического развития уголовного законодательства в части охраны семейных отношений;
- исследование зарубежных источников уголовно-правовых норм, касающихся охраны семьи;
- определение понятия и признаков преступлений против семьи;
- классификация преступлений против семьи;
- анализ проблем законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на семью и разработка рекомендаций по их разрешению;
- исследование практики применения норм, охраняющих семью.

Методология и методы диссертационного исследования. В настоящем исследовании использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция и формализация. Также применены исторический, диалектический,

сравнительно-правовой, логический и системно-структурный методы исследования; метод анкетирования. Кроме этого для полноты исследования применялся статистический метод, включающий в себя сбор и анализ статистических сведений о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, метод криминологических исследований.

Нормативная база исследования состоит из международных правовых актов, Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, ранее действовавшего уголовного законодательства России, уголовного законодательства зарубежных стран.

В **эмпирическую базу исследования** входят данные официальной статистики по России за 1997-2007 гг.; материалы 348 уголовных дел, связанных с преступлениями против семьи и несовершеннолетних, которые были рассмотрены федеральными судами и мировыми судьями Ставропольского края (г. Пятигорска, г. Ессентуки, г. Минеральные Воды, г. Железноводска, г. Лермонтова, г. Кисловодска, Предгорного района, а также Ставропольским краевым судом) и Саратовской области (Фрунзенского, Октябрьского и Ленинского районов г. Саратова) за 2000-2007 гг., а также 73 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела органов внутренних дел и прокуратур Ставропольского края (г. Пятигорска, г. Ессентуки, г. Минеральные Воды, г. Железноводска, г. Лермонтова, г. Кисловодска, Предгорного района) и Саратовской области (Фрунзенского, Октябрьского и Ленинского районов г. Саратова) за 2000-2007 гг., обобщение судебной практики по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (статьи 150-157 УК РФ), рассмотренных судами Ростовской области в 2005 г.; обзорная справка по результатам обобщения судебной практики Архангельской области за период 2003–2004 гг. по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (ст. 150-157 УК РФ); обобщение по итогам изучения судебной практики Республики Бурятия за 2003-2004 гг. по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (статьи 150 – 157 УК РФ); обобщение практики рассмотрения уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних за 9 месяцев 2007 года по судебным участкам № 1, 2 мировых судей Инзенского района Ульяновской области.

Автором было проведено анкетирование по вопросам, касающимся диссертационного исследования, 110 судей Ставропольского края.

Научная новизна диссертационного исследования. Ранее преступления, содержащиеся в гл. 20 УК РФ, рассматривались исследователями, в основном, с позиции регламентации каждого состава отдельно, либо системно, но с лингво-грамматической точки зрения. В настоящем исследовании был осуществлен комплексный анализ преступлений против семьи как системы норм, были подробно рассмотрены основания и принципы криминализации таких деяний и проведена оценка целесообразности вынесения системы преступлений против семьи в отдельную главу УК РФ. Комплексный характер анализа подтверждается тем, что в ходе исследования были изучены история развития уголовного законодательства об ответственности за посягательства на семью, опыт зарубежных стран, понятие и признаки указанных преступлений, проблемы законодательной регламентации и правоприменения. Кроме того, изучение правоприменительной практики показало, что по части вопросов, связанных с применением норм гл. 20 УК РФ, у судов и правоохранительных органов возникают разногласия, имеющие истоком, в первую очередь, несовершенство законодательных формулировок норм уголовного закона. Автором сформулированы аргументированные предложения по совершенствованию уголовного законодательства России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ истории отечественного законодательства в области уголовно-правовой охраны семьи показал, что, как номинально, так и фактически, семья никогда не существовала в виде объекта уголовно-правовой охраны, а воспринималась отечественным законодателем через семейные права конкретных личностей. Сегодня такое положение вещей отчасти сохраняется, а именно: фактически непосредственной

охране подлежат конкретные семейные права граждан, однако номинально семья включена в видовые объекты преступлений в России.

2. Семью в правовом смысле можно определить как сообщество лиц, обладающее следующими признаками:

- основой сообщества выступает брак, родство, усыновление, опека (попечение) либо принятие детей одинокими людьми на воспитание и иждивение без усыновления;
- субъектный состав сообщества включает в себя супругов, либо родителей (в том числе, лишенных родительских прав и приемных родителей), детей, других родственников, а также опекунов (попечителей);
- поддержание личного контакта между членами сообщества;
- права и обязанности членов сообщества носят взаимный характер.

3. Анализ непосредственных объектов посягательств, закрепленных в гл. 20 УК РФ позволил определить преступление против семьи как посягательство, обладающее всеми признаками преступления, направленное на нарушение семейных правоотношений, обязательным субъектом которых выступает член семьи и чаще всего - несовершеннолетний. Вышеназванное определение предполагает исключение из названия гл. 20 УК РФ слова «семья», поскольку фактически уголовный закон не охраняет семью – лишь семейные права граждан. В законодательстве, особенно уголовном, следует избегать номинальности, не подкрепленной фактической составляющей.

4. Предложена двухэлементная классификация преступлений, ответственность за которые содержится в гл. 20 УК РФ. Она строится в зависимости от непосредственного объекта посягательства. Названные деяния следует делить на преступления, наносящие ущерб:

- собственно правам несовершеннолетнего (ст. 150, 151, 154, 156 УК РФ);
- правам несовершеннолетнего и других членов семьи (ст. 153, 155, 157 УК РФ).

5. Автор предлагает поменять нормы, закрепленные ст. 150 и 151 УК РФ, местами, что приведет к более последовательному соблюдению принципа расположения статей от общего к частному и логически верно отразит реальное соотношение понятий «антиобщественное действие» и «преступление». Таким образом, ст. 150 УК РФ должна устанавливать ответственность за склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественного действия, а ст. 151 УК РФ – преступления.

6. Законодательная регламентация ч. 1 ст. 150 УК РФ ч. 1 ст. 151 УК РФ должна выглядеть следующим образом:

«Ст. 150. Склонение ребенка к совершению антиобщественного действия

Склонение ребенка, заведомо для виновного не достигшего совершеннолетия, к систематическому употреблению спиртных напитков, одурманивающих веществ, к занятию бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, -

наказывается...».

«Ст. 151. Склонение ребенка к совершению преступления

Склонение ребенка, заведомо для виновного не достигшего совершеннолетия, к совершению умышленного преступления, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, -

наказывается...».

Такая редакция решает ряд проблем, в частности: способствует единообразию используемой законодателем терминологии (использование термина «склонение» вместо синонимичного ему «вовлечения»), а также указывает на заведомость знания виновным возраста несовершеннолетнего; содержит указание на форму вины преступления, к совершению которого склоняется несовершеннолетний.

7. К ст. 150 УК РФ следует дать примечание следующего содержания:

«Примечание: под склонением в статьях настоящего Кодекса следует понимать действия, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении соответствующего деяния».

8. В постановление Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» необходимо внести такие изменения, как:

- в п. 8 предложение «Преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий» заменить на: «Преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента *дачи согласия* несовершеннолетним на совершение преступления либо антиобщественного действия независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий»;

- абз. 1 п. 9 изложить в следующей редакции: «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (статья 20 УК РФ) или невменяемости (статья 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении общественно опасного деяния несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого *общественно опасного деяния*, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения»;

- дополнить указанное постановление п. 8.1, имеющим следующее содержание: «Склонение несовершеннолетнего к совершению преступления может быть совершено любым способом, под которым понимается активное действие, направленное на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить общественно опасное деяние. При назначении наказания судам следует учитывать способ совершения преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ»;

- дополнить указанное постановление п. 8.2, имеющим следующее содержание: «Судам следует понимать под систематичностью в ст. 150 УК РФ совокупность двух и более тождественных действий в течение более или менее длительного времени, если при этом они выражают определенную тенденцию в поведении виновного и представляют для потерпевшего повышенную общественную опасность».

9. Предлагается исключить ст. 153 из УК РФ, поскольку данная норма, как показывает практика, не является востребованной и имеет много общего с нормой о похищении человека. Ответственность за подмену ребенка необходимо установить в ст. 126 УК РФ (похищение человека), которую следует изложить в следующей редакции:

«Статья 126. Похищение человека

1. Похищение человека -
наказывается...

2. *То же деяние, либо подмена, совершенные в отношении ребенка, заведомо для виновного не достигшего совершеннолетия,* –
наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) *утратил силу*;

в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

д) *утратил силу*;

е) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

ж) в отношении двух или более лиц;

з) из корыстных побуждений, -
наказывается...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, *второй или третьей* настоящей статьи, если они:

а) совершены организованной группой;

б) *утратил силу*;

в) повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия,

-

наказываются...

Примечание. Лицо, добровольно освободившее похищенного или возвратившее похищенное, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

10. В силу того, что при криминализации незаконного усыновления были нарушены многие принципы криминализации (например, достаточной общественной опасности, относительной распространенности деяния и так далее), преступление, предусмотренное ст. 154 УК РФ, должно быть декриминализовано, а сама статья – исключена из уголовного закона.

11. Ст. 155 УК РФ следует исключить из уголовного закона по причине того, что тайну усыновления, по сути, можно признать частным случаем тайны семейной, которая охраняется УК в ст. 137. Таким образом, ст. 137 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Статья 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни

1. Незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации -

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения *или профессиональной деятельности*, -

наказываются...».

12. Ст. 156 УК РФ подлежит исключению из уголовного закона, неисполнение обязанностей по воспитанию – декриминализации, а жестокое обращение с несовершеннолетним – квалификации по другим статьям УК РФ со ссылкой на п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ (отягчающим обстоятельством признается совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного) либо без такой ссылки. Предлагаемые изменения основаны на том, что преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, не достигает достаточного уровня общественной опасности без сопряжения с жестоким обращением, а закрепление в ст. 156 УК РФ последнего нарушает основополагающие принципы уголовной ответственности и уголовного права в целом.

13. Ст. 157 УК РФ следует исключить из уголовного закона в силу того, что борьба со злостным уклонением от уплаты средств на содержание средствами уголовного закона не эффективна, а комплекс иных правовых и неправовых мер практически не используется.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что выводы, сделанные в настоящем исследовании, могут быть использованы при совершенствовании законодательства (как уголовного, так и иного) в сфере борьбы с посягательствами на семейные права граждан. Результаты данного диссертационного исследования могут быть

также использованы в деятельности органов правоохранительной и судебной систем, так как в нем обозначен ряд проблем и даны варианты их решения, а также сформулированы многие правила квалификации и толкования норм УК, касающихся охраны семьи от посягательств. Положения настоящей работы будут полезны для дальнейших научных разработок проблем ответственности за преступления против семейных прав граждан, а также для применения в учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Основные выводы, положения, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, отражены автором в 4 научных публикациях общим объемом 1 п.л., в том числе, одна из них в ведущем рецензируемом ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнале объемом 0,6 п.л.

Апробация результатов исследования осуществлена путем участия диссертанта в следующих научно-практических мероприятиях:

- Российский научно-практический семинар «Хищения: законодательная регламентация, состояние и тенденции преступности, поиск эффективных путей противодействия» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 10 октября 2006 г.);
- IV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в 21 веке» (Московская государственная юридическая академия, 25-26 января 2007 г.);
- Российский научно-практический семинар «Экстремизм и его разновидности (фашизм, религиозный фанатизм и радикализм): социальная опасность, современное состояние, пути противодействия» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 20 февраля 2007 г.);
- Пятая, Юбилейная сессия Саратовской Летней Школы «Криминология уголовного закона. Эффективность уголовно-правового запрета» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 20-26 мая 2007 г.);
- Шестой семинар для грантополучателей «Организованная преступность и коррупция: результаты некоторых криминологическо-социологических исследований» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 5 июля 2007 г.);
- Всероссийская научно-практическая конференция «Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2006-2007 г. по применению уголовного законодательства: обсуждение предложенного судебного толкования» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 26-27 марта 2007 г.);
- IV Общероссийская научно-практическая интернет-конференция «Современные вопросы государства, права, юридического образования» (Тамбовский государственный университет, Институт права, 22 декабря 2007 г.);
- Международный научно-практический семинар «Коррупция и противодействие ей. Современная антикоррупционная политика России» (СГАП, Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 18 февраля 2008 г.);
- Шестая сессия Саратовской Летней Школы для молодых преподавателей дисциплин криминального цикла «Организованная преступность в России и мире: современное состояние и возможности эффективного противодействия» (Саратов, 18-24 мая 2008 года).

Структура работы определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список используемой литературы и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы; определяются цели и задачи работы, ее объект и предмет; излагаются методы исследования, его методологическая и эмпирическая основы; раскрываются положения, обосновывающие научную новизну, теоретическую и практическую значимость результатов; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о научной и практической апробации результатов проведенного исследования.

Первая глава – «Криминализация посягательств на семью в российском и зарубежном уголовном законодательстве» - состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе*, носящем название «Общественная опасность посягательств на семью», соискателем обосновывается ценность семьи как общественного института, исследуется категория «общественная опасность» и определяется степень социальной опасности каждого из преступлений, входящих в гл. 20 УК РФ, по отдельности.

Значение семьи в обществе переоценить трудно. Семья, наряду с материнством и детством, находится под защитой государства, что закреплено в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. Данное положение полностью согласуется с основными положениями международного права в этой области. Согласно ч. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и ч. 1 ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., семья является естественной и основной ячейкой общества и государства. Таким образом, охрана семьи признается одной из главнейших, первоочередных задач Российского государства.

Преступление представляет собой социально-правовое явление. С формальной стороны оно определяется противоправностью, с материальной – общественной (социальной) опасностью. Именно общественная опасность является наполнителем социальной сущности преступления. В результате анализа различных точек зрения на категорию общественной опасности (*М.И. Ковалева, А.П. Козлова, А.И. Марцева, Н.А. Лопашенко и др.*) соискатель пришел к выводу о необходимости отдельно определять общественную вредность и общественную опасность преступления. Так, общественная вредность – способность деяния влечь за собой значительный вред общественным отношениям. Общественная опасность – способность деяния создавать угрозу влечь за собой значительный вред общественным отношениям. Однако данное различие имеет более теоретическое, нежели практическое значение.

Соискателем исследован процесс криминализации посягательств на семью. В результате этого исследования был сделан вывод о том, что не все деяния, расцениваемые гл. 20 УК РФ как преступления, криминализированы обоснованно.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и других антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), по мнению соискателя, можно отнести к посягательствам, за которые в России *традиционно* устанавливается уголовная ответственность. Преступная цель – вовлечь несовершеннолетнего в совершение указанных действий – также свидетельствует о высокой степени общественной опасности этих преступлений.

Признание подмены ребенка (ст. 153 УК РФ) преступлением обусловлено характером самого деяния, заключающемся в нарушении безусловного правового запрета, а также мотивацией нежелательного поведения, свидетельствующей о его общественной опасности (включение законодателем в условия привлечения к уголовной ответственности корыстных или иных низменных побуждений).

Санкция ст. 154 УК РФ свидетельствует о том, что незаконное усыновление относится к преступлениям небольшой тяжести, поэтому можно говорить о его сравнительно невысокой степени общественной опасности. Этот тезис подтверждается и самой сущностью посягательства, заключающегося в нарушении норм позитивного законодательства. «Отягощение» состава дополнительными криминообразующими признаками (повторяемостью или мотивацией нежелательного поведения) позволяет автору делать вывод о том, что при отсутствии этих признаков незаконное усыновление не считается преступлением.

Общественная опасность разглашения тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ) определяется особой восприимчивостью потерпевшего к вредоносности указанного посягательства, а также тем, что нередко оно совершается в совокупности с иными, более тяжкими преступлениями: должностными злоупотреблениями, похищением, торговлей, незаконным усыновлением детей и другими.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) можно рассматривать как фактор появления молодой преступности. Также несмотря на то, что названное посягательство относится к преступлениям небольшой тяжести и «отстоит» не так далеко от административного правонарушения по степени общественной опасности, в достаточности последней сомневаться не приходится по причине включения в конструкцию диспозиции исследуемой статьи такого криминообразующего признака, как способ совершения посягательства, который сам по себе является преступным.

Совокупность криминообразующих признаков злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) представлена нарушением норм позитивного законодательства, которое характеризуется злостностью. Именно злостность здесь играет ключевую роль в признании названного посягательства уголовным правонарушением.

Результаты анкетирования, предпринятого соискателем, показали: на вопрос «Как Вы оцениваете степень общественной опасности посягательств на семью?» большинство респондентов (60,9 %) ответило, что она представляется им достаточно высокой; 21,8 % - настолько высокой, что требуется принятие безотлагательных мер по ее снижению; 13,7 % - что опасность имеется, но не создает повода для серьезного беспокойства; 3,6 % - опасность в таком поведении отсутствует.

Второй параграф – «Возникновение и развитие института уголовной ответственности за преступления против семьи» - посвящен историческому аспекту института уголовной ответственности за преступления против семьи.

История развития института ответственности за посягательства на семью насчитывает более 10 веков. Однако до 1845 года уголовный законодатель уделял семье мало внимания. В отличие от более ранних памятников русского права, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. явилось свидетельством того, что отечественный законодатель кардинально изменил взгляд на семью и возможности ее охраны уголовно-правовыми средствами. Впрочем, выделения норм, охраняющих семейные права, в специальный раздел в Уложении 1845 г. недостаточно, на взгляд автора, для того, чтобы говорить о том, что именно с этого времени семья как общественный институт стала подлежать уголовно-правовой охране. Юридическая литература того времени подтверждает мнение, согласно которому, права семейные оценивались законодателем через призму прав личности.

Следующей ступенью в развитии уголовной ответственности за посягательства на семью можно признать регламентацию такой ответственности Уголовным уложением 1903 г., объединявшим их в гл. XIX «О преступных деяниях против прав семейственных». Названная глава заключала в себе 18 норм, каравших за различные посягательства на институт брака, права родителей в отношении детей, а также права несовершеннолетних. Многие ученые того времени (например, *С.В. Познышев, И.Я. Фойницкий, В.В. Есинов*) писали о близости посягательств на семью к общественным преступлениям. С учетом

изложенного можно констатировать факт охраны уголовно-правовыми средствами семьи в начале 20 в. как союза лиц, который обладает общественной важностью. Семья же, будучи сложным образованием, рассматривалась как совокупность определенных элементов. Охрана ее уголовно-правовыми средствами осуществлялась через призму охраны каждого из этих элементов.

В УК РСФСР 1922 и 1926 гг., систематизированным в зависимости от объекта посягательства, количество норм, охраняющих семейные устои, было сведено до минимума, а присутствующие в уголовном законе не были обособлены отдельной главой. В уголовной политике того времени семье уделялось мало внимания, государство было сосредоточено на охране своих прав. Уголовно-правовой охране подлежали также права личности и, очевидно, именно через призму последних законодатель охранял семью.

УК РСФСР 1960 г., сохранив нормы об ответственности за посягательства на семью и несовершеннолетних, содержащиеся в прошлом советском законодательстве, этим не ограничился, результатом чего явилось введение новых составов. Новый уголовный закон, как и старый, не выделил нормы, охраняющие семью, в отдельную главу, а распределил их по различным главам.

Построение системы Особенной части УК 1960 г. было основано на наиболее характерном признаке преступления – объекте преступного посягательства. Главы или разделы объединяли преступления, имевшие единый объект. Расположение норм, направленных на охрану семьи и несовершеннолетних, в различных главах УК 1960 г. уже позволяет говорить о том, что законодатель того времени не видел у вышеназванных норм такой функции, как охрана семьи, и мы можем указывать на таковую, так сказать, уже из дня сегодняшнего. Юридическая наука советского периода подтверждает эту точку зрения.

Таким образом, соискатель пришел к выводу о том, что советская уголовно-правовая наука второй половины 20 в. рассматривала преступления против семьи, караемые УК 1960 г., в качестве посягательств на конкретные права личности. Лишь в 80-х гг. не только подмена ребенка, но и остальная совокупность перечисленных посягательств, стала оцениваться учеными как нечто вредоносное единому объекту – семье, что нашло свое отражение в научных работах того времени (например, *В.И. Ткаченко, Н.Д. Дурманова, В.С. Савельевой и др.*).

В *третьем параграфе* под названием «Сравнительный анализ правовой регламентации посягательств на семью в российском и зарубежном уголовном законодательстве» автор анализирует зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за преступления против семьи.

Охрана семьи уголовно-правовыми средствами в разных странах варьируется в зависимости от социального уклада и юридических традиций общества, но в том или ином виде такая охрана присутствует в законодательстве всех развитых стран.

Исследование 26 зарубежных уголовных кодексов показало, что 19 из них (УК Австрии, Бельгии, Болгарии, Дании, Испании, Польши, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Республики Беларусь, Грузии, Казахстана, Латвии, Узбекистана, Азербайджана, Армении, Молдовы, Таджикистана, Литвы) имеют специальную главу, посвященную охране семьи. Остальные 7 уголовных кодексов (Голландии, КНР, Таиланда, Кореи, Украины, Эстонии и Аргентины) такой главой не обладают.

Делать какие-либо глобальные выводы, по мнению соискателя, на таком материале смысла нет, но кое-что можно предположить. Например, 19 из 26 рассмотренных нами кодексов располагают специальной главой, охраняющей семью, однако говорить о том, что остальные 7 кодексов менее эффективно ее охраняют, как думается, нет оснований. На примере отечественного УК, как и на примере большинства УК стран-участниц СНГ, виден четкий отпечаток модельного УК для государств-участников СНГ. Отмечать этот момент как исключительно положительный или отрицательный, по мнению соискателя,

не стоит. Но факт того, что семья может охраняться уголовным законом и другими его средствами, отличными от тех, что указаны в модельном законе, отрицать сложно.

Вторая глава – «Понятие, признаки и виды преступлений против семьи» - состоит из двух параграфов.

Первый параграф – «Понятие и признаки преступлений против семьи» - посвящен исследованию содержания и определению общих черт посягательств на семью.

Указанное исследование, по мнению автора, необходимо проводить через изучение непосредственно объекта таких посягательств, поскольку специфика практически любой группы преступлений определяется зачастую именно ее объектом.

Универсального определения семьи не существует. К тому же исследуемый термин понимается различными отраслями права по-разному. Анализ научной литературы в этой сфере (труды *А.М. Нечаевой, М. Ковалевского, М.А. Кукушкина и др.*) позволил соискателю сконструировать собственное определение семьи применительно к уголовному праву, изложенное выше в положениях, которые выносятся на защиту (№ 2).

Локализация преступлений против семьи определила сравнение объема содержания таких терминов, как «личность» и «семья». Указанное сравнение показало, что законодатель воспринимает семью не как совокупность личностей, а как конкретизацию первого из названных понятий, «отягощение» личности семейным статусом. Таким образом, семейные отношения – суть отношения, опосредованные специальным статусом субъекта (личности как члена семьи).

Под *преступлением же против семьи*, исходя из вышесказанного, следует понимать посягательство, обладающее всеми признаками преступления, направленное на нарушение семейных правоотношений, обязательным субъектом которых выступает член семьи и чаще всего – несовершеннолетний.

Во *втором параграфе*, имеющем название «Проблемы классификации преступлений против семьи», рассматриваются трудности разделения исследуемых посягательств на группы, а также основания такого разделения.

Изучив классификации, предложенные другими учеными, автор пришел к выводу о необходимости построения классификации в зависимости от непосредственного объекта преступлений против семьи, анализ которых позволил сделать вывод о том, что все преступления, включенные законодателем в гл. 20 УК РФ, посягают на семью не как на обособленное целостное образование, а как на совокупность правоотношений, возникающих в результате взаимодействия членов семьи.

Защищать и охранять семью, как некое единство, следует, на взгляд автора, через защиту и охрану прав и интересов ее членов. В результате исследования непосредственных объектов преступлений, включенных в гл. 20 УК РФ, соискатель пришел к выводу о том, что каждое из них посягает на те или иные права несовершеннолетнего (которого следует воспринимать в рамках гл. 20 УК РФ именно как ребенка его родителей); ст. 153, 155, 157 УК РФ направлены на охрану, в том числе, и прав родителей, которые отделены от прав несовершеннолетних лишь в ч. 2 ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей). Ст. 153 и 155 УК РФ охраняют права родителей исключительно в силу того, что преступления, предусмотренные названными статьями, причиняют вред их детям (несовершеннолетним).

Таким образом, автор полагает, что законодатель фактически воспринимает семью через призму прав личности (членов семьи). Следовательно, можно выделять преступления, наносящие вред исключительно несовершеннолетним, когда права родителей и других лиц не страдают, и наносящие вред правам более широкого круга лиц.

Авторская классификация посягательств на семью изложена в положениях, выносимых на защиту (№ 4).

Третья глава – «Проблемы законодательной регламентации и практического правоприменения норм о преступлениях против семьи в УК РФ 1996 г.» - состоит из 3 параграфов.

В *первом параграфе* – «Проблемы законодательной регламентации посягательств на семью» - соискатель изучает пробелы и коллизии законодательной регламентации преступлений против семьи, определяет положительные и отрицательные моменты в законодательном изложении составов исследуемых преступлений.

Автор по группам рассматривает названные проблемы, начиная с тех, что присущи регламентации посягательств на права несовершеннолетнего, на права членов семьи, а также общие проблемы законодательной регламентации норм, закрепленных в гл. 20 УК РФ.

В целях соблюдения принципа расположения статей от общего к частному и логически верного отражения соотношения понятий «антиобщественное действие» и «преступление» соискатель предлагает поменять нормы, закрепленные ст. 150 и 151 УК РФ, местами. Таким образом, ст. 150 УК РФ должна устанавливать ответственность за склонение несовершеннолетнего к совершению антиобщественного действия, а ст. 151 УК РФ – преступления.

Новая редакция диспозиций ст. 150 и 151 УК РФ, предложенная соискателем (положение, выносимое на защиту, № 6) позволяет избежать многих существующих в настоящее время проблем, связанных с толкованием этих норм.

Во-первых, однозначно решается проблема знания виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ, возраста потерпевшего. Постановление Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос.

Во-вторых, такая редакция даст точный ответ касательно формы вины преступления, в которое вовлекается несовершеннолетний. Соискатель присоединяется к убедительной аргументации *А.И. Парогом* позиции, согласно которой, соучастию присущ лишь прямой умысел, и полагает, что в силу сходства подстрекательства (как формы соучастия) и вовлечения в совершение преступления решать эту проблему необходимо по аналогии в науке.

В-третьих, исключение перечня способов из нормы, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, и толкование по этому вопросу Пленумом ВС РФ в вышеназванном постановлении отражает позицию автора, согласно которой, такое указание на способы совершения преступления в этой норме не обоснованно с позиций выполняемых ими функций (по *В.В. Новику*). Соискателем предложено не упоминать о способах в диспозиции ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) и прописать неисчерпывающий перечень способов в постановлении Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. В отличие от предложения *А.П. Козлова*, полностью формализовать перечень способов, позиция автора диссертационного исследования имеет такое достоинство, как стремление экономить текст уголовного закона.

«Узел», образованный понятиями «вовлечение» и «склонение» можно разрешить, используя филологическую и юридическую справочную литературу, свидетельствующую о том, что названные термины являются синонимами. В целях унификации терминологии в родственных составах соискатель предлагает конкретизировать понятие «склонение» в примечании к ст. 150 УК РФ (положение, выносимое на защиту, № 7).

Проблемы регламентации посягательств на права несовершеннолетних выходят за рамки текста уголовного закона и проявляются, в том числе, на уровне подзаконных нормативных актов, таких, как постановления Пленума ВС РФ. Исследование «поверхности» указанных нормативно-правовых актов и научных точек зрения показало, что как в теории, так и на практике возникает множество вопросов, связанных с применением норм, устанавливающих ответственность за изучаемые преступления.

Так, например, стоит отметить небезупречную в техническом плане формулировку постановления Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г., касающуюся определения момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ. Автором внесено предложение, определять его, исходя из момента дачи согласия несовершеннолетним потерпевшим на совершение соответствующих действий. Соискатель приходит к такому выводу, используя семасиологический метод. Вовлечение должно считаться совершенным и в случае, когда действие, к которому склоняется вовлекаемый, еще не обрело пространственно-временного значения.

Название и диспозиция ст. 150 УК РФ содержат терминологическое противоречие. Речь идет о ситуации, когда несовершеннолетнее лицо вовлекается в преступление, субъектом которого оно не может быть по возрастному критерию. Постановление Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. не разрешает однозначно этот вопрос. В связи с этим автор предлагает внести изменения в указанное постановление (положение, выносимое на защиту, № 8).

Научные споры вызывает термин «систематичность» в норме, устанавливающей уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Соискатель, проанализировав различные точки зрения на этот предмет, пришел к выводу о том, что с учетом специального статуса потерпевшего от указанного преступления, специфичности его психологических характеристик и действий, в которые вовлекается несовершеннолетний, можно отойти от традиционного понимания систематичности в уголовном праве, и применительно к названной норме считать таковой совокупность двух и более тождественных действий в течение более или менее длительного времени, если при этом они выражают определенную тенденцию в поведении виновного и представляют для потерпевшего повышенную общественную опасность.

Автор критикует научную позицию, согласно которой, перечень антиобщественных действий в ст. 151 УК РФ необходимо сделать неисчерпывающим (*Т.М. Чапурко*). Диссертант выдвигает следующие аргументы: 1) закон не случайно установил ответственность за вовлечение несовершеннолетнего только в определенный круг антиобщественных деяний, пропуская последние через критерий, согласно которому, они могут отрицательно влиять на психику подростка; 2) антиобщественность деяния – признак относительный, в различные времена и на различных территориях рассматривающийся обществом по-разному, в ст. 151 УК РФ же указаны только те деяния, антисоциальность которых проверена и подтверждена временем, которые наносят трудно поправимый вред личности несовершеннолетнего; 3) предложение сделать перечень открытым будет стимулировать судебский произвол.

Толкование текста уголовного закона позволило соискателю сделать вывод о неограниченном круге субъектов незаконного усыновления (ст. 154 УК РФ). В обоснование автор сослался на позитивное законодательство, регламентирующее участие лиц в процедуре усыновления (удочерения).

Достаточно остро стоит вопрос о регламентации объективной стороны незаконного усыновления. Диссертант присоединяется к позиции, согласно которой, термин «незаконные действия» не в полной мере охватывает формы совершения преступления, предусмотренного ст. 154 УК РФ, которое может выражаться также в форме бездействия (*Ю.Е. Пудовочкин*). Термин «незаконные действия» необходимо заменить на «нарушение правил».

Исследование понятия неоднократности, используемое законодателем в ст. 154 УК РФ, позволило соискателю сделать следующие выводы: неоднократность в ст. 154 УК РФ не тождественна понятию «неоднократность преступлений», ныне исключенному из УК, однако разнородность названных терминов не мешает им быть определяемыми одинаково – совершение действий 2 и более раз; диспозиция указанной нормы построена таким образом, что для признания преступления окончанным достаточно совершения двух

любых действий, входящих в понятия «усыновление», передача под опеку (попечительство)» и «передача на воспитание в приемные семьи».

Многие исследователи отмечают не самую удачную конструкцию диспозиции ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Сложность состоит, в том числе, и в определении функциональной роли двух действий, объединенных в ст. 156 УК РФ, – неисполнения обязанностей по воспитанию и жестокого обращения с несовершеннолетним. Сравнительный анализ приведенной нормы со схожими нормами в УК РФ (со ст. 162 УК РФ, в частности) показал, что указанные деяния соотносятся как действие и способ его совершения. Такой же позиции придерживается большинство опрошенных судей (60 %).

Термин «воспитание», употребляемый законодателем в ст. 156 УК РФ, не имеет общепринятого значения и, как следствие, порождает массу проблем при правоприменении. Диссертант полагает, что выходом из этой ситуации может стать основательное изучение указанного понятия, что в рамках данной диссертации неосуществимо, либо исключение ст. 156 из УК РФ.

Употребление в ст. 156 УК РФ оценочного признака «жестокое обращение» также порождает некоторые вопросы, ответы на которые аргументированно дает автор. Так, сделан вывод, основанный на семантическом подходе к проблеме, об имманентном характере систематичности относительно жестокого обращения.

Автором создана система критериев, используя которую, он попытался определить, какие действия входят в понятие жестокого обращения и не требуют дополнительной квалификации. Указанная система состоит из 1) семантико-герменевтического подхода к проблеме определения жестокого обращения, 2) постулата, суть которого заключается в том, что, исходя из формального характера состава посягательства, предусмотренного ст. 156 УК РФ, все вредные последствия, предусмотренные другими (материальными) составами, должны квалифицироваться по совокупности (принадлежит Ю.В. Усковой) и 3) степени общественной опасности конкурирующих посягательств. В результате, можно констатировать факт прохождения «критериального отбора» только оскорблением и клеветой.

Законодательное изложение ответственности за посягательства на семью также не лишено дефектов и, как результат, вызывает множество споров, как среди теоретиков, так и практиков.

В уголовном законе прямо не указан возраст ребенка, способного быть предметом подмены (ст. 153 УК РФ). Это породило спор в науке. Большинство ученых (А.В. Наумов, Е.Е. Пухтий, В.С. Савельева и др.) полагает, что под понятием «ребенок», которое употребляется в исследуемой статье, может подразумеваться только новорожденный ребенок (то есть в возрасте до 1 месяца). Так же считают 74,6 % опрошенных диссертантом респондентов. Соискатель поддерживает позицию, обосновываемую Ю.Е. Пудовочкиным и заключающуюся в том, что нельзя безосновательно сужать данное понятие. Во-первых, «ребенок» не является чисто уголовно-правовым понятием – другие отрасли права (например, семейное или международное) также используют его. Во-вторых, при квалификации подмены ребенка важен момент, с которого он начинает идентифицировать себя. В-третьих, на вопрос, только ли новорожденный ребенок может быть предметом подмены, нельзя ответить положительно, поскольку существуют ситуации, когда при рождении мать и младенец разлучаются и фактически знакомятся, когда ребенок достигнет определенного возраста (вплоть до 18-летнего возраста). Более того, соискатель полагает, что теоретически не исключены ситуации, когда может быть подменен совершеннолетний ребенок.

Соискателем рассматривается также проблема употребления в ст. 153 УК РФ такого признака субъективной стороны деяния, как «иные низменные побуждения», который чрезвычайно расширяет возможности «усмотрения» правоприменителя. Предлагаемый А.И. Парогом термин «иная личная заинтересованность», на взгляд

диссертанта, не подходит в данном случае, поскольку не несет антисоциальной нагрузки и может выразиться, в итоге, в пользу для ребенка – предмета преступления. Выход видится в повышении уровня судейской этики, профессионализма, чувства ответственности и других нравственных качеств.

Исследование норм Семейного кодекса РФ и других нормативно-правовых актов позволяет сделать заключение о невысоком уровне их юридической техники, что находит свое отражение на переносе технических недостатков на закон уголовный. Это обусловлено тем, что некоторые нормы УК (ст. 155, в частности) являются бланкетными.

Законодательное изложение субъективной стороны разглашения тайны усыновления также вызывает некоторые сложности в применении нормы. Толкование диспозиции ст. 155 УК РФ позволяет сделать два совершенно противоположных вывода: 1) корыстные или иные низменные побуждения являются конститутивными признаками состава преступления независимо от того, кем оно было совершено; 2) наличие специальных мотивов обязательно только тогда, когда субъектом выступает "иное лицо", не обязанное хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну. Соискатель согласен с позицией, согласно которой, мотивация нежелательного поведения в данном случае относится только к «иным лицам» (*А.И. Чучаев, А. Рожнов*). Этот вывод подтверждается двумя различными способами: 1) сравнительным анализом ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни) и ст. 155 УК РФ, которые очевидно являются родственными; 2) учитывая тот факт, что разглашение тайны усыновления, согласно диспозиции ст. 155 УК РФ, может быть совершено специальным и обычным субъектом (то есть «иным лицом»), становится понятно стремление законодателя «уравнять» степень общественной опасности разглашения тайны усыновления разными субъектами с помощью установления дополнительных криминообразующих признаков.

Использование законодателем множественного числа по отношению к понятиям «несовершеннолетний ребенок», «нетрудоспособный ребенок», «совершеннолетний трудоспособный ребенок» и «нетрудоспособный родитель» в ст. 157 УК РФ провоцирует ситуацию, в которой, если следовать буквальному толкованию, нельзя привлечь к уголовной ответственности: 1) родителя за злостное уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетнего ребенка, нетрудоспособного ребенка, достигшего восемнадцатилетнего возраста; 2) совершеннолетнего трудоспособного ребенка за то же деяние, совершенное в отношении нетрудоспособного родителя. Этот недостаток исправим, по мнению соискателя, посредством использования при конструировании нормы не только юридического, но и лингвистического подхода.

В науке уголовного права ставится вопрос о неполноте перечня оснований возникновения алиментных обязательств в ст. 157 УК РФ. Ряд ученых (*Ю.Е. Пудовочкин, Л.Ю. Михеева, А.И. Парышев*) полагает, что такие ограничения следует убрать из уголовного закона. Диссертант поддерживает точку зрения, состоящую в том, что отождествлять по юридической значимости основания возникновения алиментных обязательств не следует, поскольку фактически часть таких оснований делает обязанность выплачивать алименты добровольно на себя взятой (*О.А. Кабышев*).

К недостаткам регламентации посягательства, предусмотренного ст. 157 УК РФ, некоторые исследователи относят слишком узко очерченный субъектный состав. В соответствии с разделом V Семейного кодекса РФ, алиментные обязательства могут быть наложены не только на совершеннолетних детей и родителей, но и на других родственников. По мнению соискателя, позиция законодателя все же имеет под собой обоснование, суть которого заключается в сущности отношений, складывающихся между родителями и детьми, в сравнении с отношениями между родственниками или супругами.

Автор предлагает определять злостность, используемую в ст. 157 УК РФ, через формулу: *злостность = обязательный критерий + любой факультативный критерий*, где обязательным всегда выступает нежелание лица совершать определенные действия, а факультативным – любое обстоятельство, усугубляющее или сопутствующее нежеланию

– длительность неуплаты средств на содержание, неисполнение судебного решения, предварительное привлечение к административной ответственности или привод к судебному приставу-исполнителю и т.д.

Автор не оставил без внимания и общие проблемы, присущие системе норм гл. 20 УК РФ.

К таковым можно отнести использование уголовным законодателем большого количества оценочных признаков (188 оценочных категории содержит гл. 20 УК РФ, по свидетельству *Р.С. Джинджолия*). Соискатель пришел к выводу о том, что необходимо определить оптимальный баланс, отражающий соотношение оценочных и абсолютно-определенных понятий в законе. Затем, учитывая, что указанный баланс ограничит законодательное употребление первых, правотворческим органам следует воплощать в жизнь политику, которую можно описать словами: разработка критериев, раскрывающих содержание сходных по смыслу и имеющих практически одинаковое содержание и внешнее проявление понятий, терминов, действий и т.д., охватываемых оценочными понятиями, содержащимися в УК РФ.

Неунифицированная терминология – явный недостаток уголовного закона. Исходя из названия гл. 20 УК РФ, входящие в нее нормы призваны охранять интересы семьи и несовершеннолетних; действительно, в ст. 150-151, 156, 157 УК речь идет о жертве преступления – несовершеннолетнем (или несовершеннолетних детях), однако в ст. 153 УК РФ используется другое понятие – «ребенок», а в ст. 154 УК РФ еще одно – «дети». Анализ позитивного законодательства России, а также международных правовых актов позволил автору предложить использовать вместо вышеназванных терминов один – «ребенок».

Во *втором параграфе* – «Пути преодоления недостатков законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления против семьи» - соискатель выдвигает конкретные предложения по совершенствованию законодательства и иных нормативно-правовых актов. Общей мыслью и концептуальным направлением данного диссертационного исследования является исключение категории «семья» из объектов уголовно-правовой охраны гл. 20 УК РФ.

Автор предлагает исключить ст. 153 УК РФ, устанавливающую ответственность за подмену ребенка, а само деяние квалифицировать по ст. 126 УК РФ (похищение человека). Редакция последней изложена в положении, выносимом на защиту, № 9. Такое предложение находит обоснование в следующих аргументах: 1) родственность этих составов; 2) историческая традиция устанавливать ответственность за эти посягательства в единой норме; 3) выделению подмены ребенка в самостоятельный состав преступления препятствует такой критерий криминализации, как относительная распространенность деяния.

Незаконное усыновление (ст. 154 УК РФ), по мнению автора, должно быть декриминализировано по причине нарушения следующих принципов криминализации деяния: достаточная степень общественной опасности, относительная распространенность деяния, преобладание позитивных последствий криминализации, избыточность, а также своевременность установления уголовно-правового запрета. Вопросы же ответственности за незаконное усыновление должны регламентироваться нормами других отраслей права, например, семейного, административного, правом социального обеспечения и др.

Ст. 155 УК РФ (разглашение тайны усыновления) также, по мнению автора, должна быть исключена из уголовного закона. Ответственность же за это посягательство следует устанавливать в ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни). Это вызвано неопределенностью границ юрисдикции вышеназванных норм. С одной стороны, можно сказать, что они соотносятся как общая и специальная нормы, с другой, - четких признаков, их разграничивающих и необходимых для полноценной конкуренции, нет. Непоследовательность отношения законодателя к взаимосвязи ст. 137 и 155 УК РФ, проявляющаяся во всех абсолютно элементах состава преступления (объекте,

объективной и субъективной стороне, а также субъекте), по мнению соискателя, - отрицательная черта отечественного уголовного закона. Внесение изложенных в положениях, выносимых на защиту (№ 11), изменений в УК РФ исправит эти недостатки.

Норма, устанавливаемая ст. 156 (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), по мнению автора должна быть исключена из УК РФ. Поскольку указанная норма состоит из двух самостоятельных деяний (непосредственно неисполнения обязанностей по воспитанию и жестокого обращения с несовершеннолетним), первое из них должно подлежать декриминализации, а второе – квалификации по другим статьям Особенной части УК РФ (положение, выносимое на защиту, № 12). К такому выводу соискатель пришел, исходя из того, что названное посягательство не достигает достаточного уровня общественной опасности без сопряжения с жестоким обращением, а закрепление в ст. 156 УК РФ последнего нарушает основополагающие принципы уголовной ответственности и уголовного права в целом (например, принцип справедливости).

На взгляд соискателя, необходимо произвести декриминализацию злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), что объясняется следующими причинами: не исчерпан комплекс мер позитивных отраслей права, а также общественных неправомерных мер; высокие показатели статистических данных по этой статье свидетельствуют об эффективности работы правоохранительных органов, но не об эффективности нормы, закрепленной в ст. 157 УК РФ; сочетание признаков «нарушение позитивного законодательства и злостность посягательства» в данном случае нельзя признать в качестве достаточного основания криминализации уклонения от уплаты средств на содержание; виды наказания, предусмотренные санкцией ст. 157 УК РФ, изначально не способны обеспечить преобладание позитивных последствий криминализации над негативными; и т.д.

В *третьем параграфе* – «Проблемы квалификации преступлений против семьи и пути их решения (на примере судебной практики)» - автор исследует правоприменительный аспект норм об ответственности за посягательства на семью.

Настоящий параграф посвящен изучению трудностей, с которыми сталкиваются работники правоохранительной и судебной систем при непосредственном применении уголовно-правовых норм, касающихся охраны семьи. По исследуемым статьям соискателем были исследованы материалы 348 уголовных дел, связанных с преступлениями против семьи и несовершеннолетних, которые были рассмотрены федеральными судами и мировыми судьями Ставропольского края (г. Пятигорска, г. Ессентуки, г. Минеральные Воды, г. Железноводска, г. Лермонтова, г. Кисловодска, Предгорного района, а также Ставропольским краевым судом) и Саратовской области (Фрунзенского, Октябрьского и Ленинского районов г. Саратова) за 2000-2007 гг., а также 73 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела органов внутренних дел и прокуратур Ставропольского края (г. Пятигорска, г. Ессентуки, г. Минеральные Воды, г. Железноводска, г. Лермонтова, г. Кисловодска, Предгорного района) и Саратовской области (Фрунзенского, Октябрьского и Ленинского районов г. Саратова) за 2000-2007 гг.

Исследование судебной практики по ст. 150 УК РФ показало, что суды неоднозначно толкуют некоторые способы совершения названного преступления. Так, например, *предложение* в части случаев воспринимается судом в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, а в другой части – нет. Так, Т., обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, был оправдан по причине отсутствия в его действиях состава преступления. Суд мотивировал свое решение тем, что обвиняемый лишь «предложил совершить кражу, однако с его стороны не было никаких активных действий, тем более сопряженных с физическим или психическим воздействием на несовершеннолетних подсудимых»⁸. М., напротив, был

⁸ Приговор по делу об обвинении Т. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б», «д» ч. 2 ст. 111, ч. 1 ст. 213, п. «а», «в» ч. 2 ст. 158, ч. 4 ст. 150 УК РФ, Г. в совершении преступлений, предусмотренных п.

осужден по ст. 150 УК РФ (ч. 1), и суд определил вовлечение им несовершеннолетних в совершение преступления именно посредством предложения⁹. Взгляд на *предложение* с психологической точки зрения позволили автору сделать вывод о его формальной принадлежности к активным действиям, поскольку субъект, его изыскующий, фактически совершает действия, направленные на достижение определенных целей. С учетом неустоявшейся психики подростка обозначенное действие необходимо воспринимать в качестве способа, упоминаемого в ст. 150 УК РФ.

В науке отмечалось, что объединение двух действий в одной норме (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним) (ст. 156 УК РФ) порождает трудности применения указанной статьи на практике. Исследование судебной практики по делам этой категории показало, что суды и правоохранительные органы уделяют много внимания установлению каждого элемента объективной стороны посягательства.

Изучение названного практического материала позволило соискателю сделать вывод о том, что хотя процесс правоприменения и не лишен трудностей, однако в основном суды и правоохранительные органы единообразно толкуют нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на семью.

В *заключении* диссертации сформулированы основные выводы и положения, наиболее значимые из которых изложены в тексте настоящего автореферата.

Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в следующих опубликованных работах автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК Минобрнауки РФ:

Ермолаев А.В. Злостность в уголовном праве России / Вестник СГАП. № 5 (63). 2008. – С. 119-122.

Работы, опубликованные в других изданиях:

Ермолаев А.В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним. Неизбежная параллельность явлений / Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности / Сборник научных трудов по дер. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2006. – С. 279-281.

Ермолаев А.В. К вопросу о видовом объекте преступлений против семьи / Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам IV Общероссийской научно-практической интернет-конференции / О.В. Белянская, отв. ред. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. – С. 105-112.

Ермолаев А.В. Регулирование ответственности за посягательства на семью в странах СНГ / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью / Сборник научных трудов под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2008. – С. 360-362.

«а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Д. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Ч. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. 2001 г. Архив Предгорного районного суда Ставропольского края.

⁹ Приговор по делу об обвинении М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 150, п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Я. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 158 УК РФ, Е. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. 2006 г. Архив Предгорного районного суда Ставропольского края.